

М.П. СОЛОВЬЕВ

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ
И
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

М. П. Соловьев
Святая Земля и Императорское
Православное Палестинское Общество

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11104803

Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество / М. П. Соловьев:

Индрик; Москва; 2012

ISBN 978-5-91674-193-3

Аннотация

Вашему вниманию предлагается книга М. П. Соловьева "Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество".

Содержание

В поисках вселенского единства. О книге и ее авторе	6
Глава I	11
Глава II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

М. П. Соловьев

Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество

Императорское Православное Палестинское Общество

К 130-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕ-
СТИНСКОГО ОБЩЕСТВА (1882–2012)

Книга издана при поддержке Мэра Москвы Сергея Семёновича Собянина и Департа-
мента культуры Правительства г. Москвы в рамках проведения международной юбилейной
выставки «Россия в Святой Земле: к 130-летию сотрудничества Императорского Православ-
ного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока» в Центральном выставочном
зале «Манеж» (Москва) 05–14 июня 2012

В поисках вселенского единства. О книге и ее авторе

Н.Н. Лисовой

21 мая 2012 г. исполняется 130 лет со дня создания Императорского Православного Палестинского Общества. Труды и заслуги Общества перед русским народом и культурой, перед Православным Востоком не требуют сегодня каких-либо религиозных или политических доказательств и оправданий. Оценивая и оплакивая позиции и достояние, утраченные Россией на Ближнем Востоке, мы понимаем значение Русской Палестины и Палестинского Общества в истории страны, ее духовности и культуры.

Не так однозначно воспринимали деятельность ИППО и его значение современники, не все одинаково оценивали его вклад в русское дело в Палестине, да и не сказать, чтобы сама Палестина относилась к приоритетным понятиям русского политического сознания. В меньшей степени сказанное относится, к сожалению, к оценкам профессиональных историков, светских и церковных.

Вот что писал на рубеже XX столетия греческий церковный историк П. Каролидес: «Палестинское Общество, вскоре перешедшее под руководство панславистов, именно: все-сильного при дворе обер-прокурора Св. Синода Победоносцева, греко-ненавистников-панславистов: Игнатьева, Соловьева, Хитрово и Суворина, – сделалось политическим обществом, преследующим политические цели и под видом благотворительного общества, при помощи эксплуатации могущественного покровительства русской дипломатии и русского влияния в Палестине, начало ехидным образом вести негласную войну против всего греческого в Святой Земле и Сирии... Факт, что Палестинское Общество от Иерусалима и Палестины расширило круг своей деятельности до Антиохии и Антиохийской Патриаршей Церкви, совершенно ясно указывает на истинные цели Общества, именно на предложенное и рекомендованное русскому правительству епископами-панславистами Порфирием и Кириллом завоевание Патриархий посредством их обрусения, а при помощи Патриархий – духовное завоевание Сирии и Палестины»¹.

Аналогичными настроениями пронизана книга греческого филолога Димитрия Анастасопула «Панслависты – злейшие враги греческой расы» (Афины, 1906 г.), которая, по оценке американского исследователя греческого происхождения Ф.Г. Ставру, «не имела никаких исторических или научных достоинств, но отражала антирусские настроения греков в то время. Автор прослеживает деятельность русских на Православном Востоке со времен Порфирия Успенского и усматривает кульминацию полувековой панславистской пропаганды в “панславистском Палестинском Обществе, которое работало день и ночь против греческого Православия”»².

«К началу Первой мировой войны, – констатирует Ставру, – все реальные силы и группы на Востоке однозначно связывали деятельность ИППО с русским политическим проникновением. Все, что делалось Обществом, греки воспринимали как попытку заменить греческую иерархию местной арабской, которая оказалась бы к тому же в руках панславистов <...>. Со стороны зарубежных и инославных групп в Палестине противодействие Обществу было почти автоматическим»³.

К сожалению, «злейших врагов» в Палестинском Обществе видели не только греки. Прежде всего, приходилось преодолевать инерцию и едва ли не сопротивление государственных структур, прежде всего, дипломатического ведомства. Как пишет автор предлагаемой читателям книги, «положение православия представлялось в смутном виде. Палом-

ники, ближе знакомые с делом, не были слышны в руководящих сферах. При Нессельроде инородцы получили полное преобладание над русскими и православными. В середине сороковых годов знаменитый архиепископ Порфирий (в последствии епископ Чигиринский) с горечью указывал, что из шести дипломатических чиновников в Египте, Сирии и Палестине не было ни одного русского и православного – были немцы, евреи, католики, протестанты, весьма сочувствовавшие всем, кроме православных. Их донесениями пользовался протестант граф Нессельроде, и можно представить себе, какое традиционное отношение к делам восточного христианства, к очагу и фокусу восточных политикорелигиозных отношений – к Палестине и Иерусалиму – установлялось среди наших дипломатических деятелей. Высшие слои общества официально имели только те представления о деле, которые доходили до них сквозь двойную призму – чуждых православию дипломатических чиновников и греческого клира». С другой стороны, как ни удивительно, и некоторые представители Церкви, кому надлежало бы видеть в деятелях Палестинского Общества единомышленников и соратников, относились к ним, к сожалению, как к соперникам и конкурентам⁴.

Словом, Палестинское Общество было от кого защищать.

Было и кому. Безусловной удачей для ИППО стало наличие таких ярких и талантливых его историков и апологетов, как В.Н. Хитрово, Ф. Греков-Палеолог, А.А. Дмитриевский. Названные писатели могли по-разному относиться к тем или иным вопросам, исповедовать различные взгляды, но неизменно совпадали в главном: в понимании и толковании русской миссии в Святой Земле. Более того, в понимании самого присутствия России на Православном Востоке прежде всего как *миссии*.

Особое место среди историков и идеологов Императорского Православного Палестинского Общества занимает Михаил Петрович Соловьев (1842-08.01.1901).

В.Н. Хитрово сумел в нескольких кратких штрихах описать путь Соловьева в Палестинское Общество. «Глубоко и убежденно верующий, многосторонне образованный, он посетил Святой Град, молился на Голгофе, лобызал камень Гробницы Господней и не избег общей участи тех, которых Господь удостоивает этой великой милости – он вернулся, имея в сердце девиз Общества: Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь. С этих пор сделался он одним из убежденными членов Палестинского Общества»⁵.

Деятельность московского публициста недолго была связана с Палестинским Обществом – он стал членом ИППО 21 мая 1891 г., – но в это десятилетие умещается избрание в Совет Общества, председательство в Отделении пособия паломникам, авторство и редакторство в журнале «Сообщения ИППО»⁶, множество статей и заметок в газете «Московские ведомости»⁷ и журнале «Русское Обозрение», наконец, ряд небольших, но талантливых, пользовавшихся популярностью книг⁸.

О совместной работе с ним в Совете Н.М. Аничков свидетельствовал: «Наши занятия с достойнейшими деятелями Общества: В.Н. Хитрово и М.П. Соловьевым, при участии добрейшего и прекрасного по характеру Д.В. Истомина и под руководством почтеннейшего и очень умного, осторожного и осмотрительного Н.Н. Селифонтова, продолжают неопустительно каждый вторник. Думаю, что эти приватные совещания, на которых свободнее высказывается многое, должны способствовать лучшей подготовке дел и вопросов, подлежащих рассмотрению Совета»⁹.

Михаил Петрович руководствовался в своей деятельности убеждением, четко сформулированным им в предлагаемой читателю книге. «Палестинские отношения, – писал он, – представляют неустранимый из народной жизни государственный материал, требующий непосредственного воздействия творческой самодержавной власти и не поддающийся общему порядку делопроизводства в учреждениях, созданных для иных целей. *Палестинское дело – новая государственная задача, двинутая народом в русскую политику.* Оттого

каждый фазис его неизменно показывает два фактора: Императорскую Фамилию, один из членов которой становится во главе дела, и массу безвестных паломников из России. Причем регулярные учреждения оказываются недостаточными, и появляется организация, близкая к правительственным сферам, но стоящая особо от высших государственных установлений. Эти обстоятельства вызвали к жизни Императорское Православное Палестинское Общество, под председательством великого князя Сергея Александровича».

В краткой речи, посвященной кончине Соловьева, основатель ИППО В.Н. Хитрово, привлеченный к работе в Обществе Михаила Петровича, сказал:

«Человек прямолинейный, нередко до резкости, страстный, он не признавал препон, но это был человек, в котором не было лести. Нелегко бывает иной раз вести с такими характерами общее дело, если не быть уверенным, что эта резкость исходит из прямого, честного, убежденного сердца. И М<ихаил> П<етрович> с этим врожденным ему характером, закаленным далеко не легким пройденным им жизненным путем, принес Обществу немалую долю пользы. Нередко нам приходилось его удерживать, но нередко и ему приходилось тянуть нас за собою, а без подобных деятелей начинается застой – начало конца. Этот почин в деле, это увлечение за собою составляет немаловажную заслугу М. П. в нашем общем деле. Да успокоится его многмятежная душа, удостоившаяся видеть Иерусалим земной, в селениях Иерусалима небесного»¹⁰.

О резком, напористом и бескомпромиссном характере Соловьева вспоминали многие современники. Говорили и говорят об этом и историки, и часто самым беспристрастным тоном. В зарубежных работах продолжает бытовать миф о политическом значении М. П. Соловьева, определявшего будто бы всю политику Палестинского Общества на Востоке. Ф. Г. Ставру, книгу которого «Русские интересы в Палестине» мы уже цитировали, называя его «человеком, поднявшим новую волну антигреческой компании», и явно преувеличивая довольно скромную роль Михаила Петровича в определении позиций и приоритетов Палестинского Общества, даже изменяет обычному своему ровному объективистскому стилю, как только начинает говорить о «панславистском лидере», авторе «речей и лекций, написанных помпезным и ядовитым языком»¹¹.

«Особенно характерна, – пишет Ставру, имея в виду издаваемую нами книгу, – его монография, опубликованная в 1895 г. и озаглавленная «Святая Земля и ИППО», направленная против греков и их политики в Иерусалимском Патриархате, – монография, которая настроила греков против русских и спровоцировала в Святогробском братстве враждебное и неконструктивное отношение к русским в Палестине»¹².

Позволим себе не согласиться с маститым автором. Не писал ли многократно о русофобии греческого духовенства еще в середине XIX в. основатель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский)? Не подтверждает ли это – с греческой стороны – говоря о «русской опасности» и «экспансии русского монашества на Афоне и Голгофе», небезызвестный «архиепископ Афинский – Патриарх Константинопольский – Патриарх Александрийский» Мелетий (Метаксакис)? Лишь одна цитата: «До того, как появились русские учреждения на Востоке, не было и греческих, – уверяет нас автор, – все были православными. Лишь в силу того, что Россия рассматривала и рассматривает греческое наследие как свое, православное, грекам пришлось вступить на защиту собственного наследия... С момента создания архимандритом Порфирием (Успенским) Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и возникновения собственности и церковей у этой Миссии, православные разделились на греков и русских, и братья стали врагами»¹³. Если согласиться с Мелетием, возникновение греческой русофобии в Святой Земле придется датировать временем создания РДМ (1847) – то есть задолго, почти на столетия раньше, до возникновения ИППО и публикаций Соловьева.

Необходимо подчеркнуть, что ни Соловьев, ни В.Н. Хитрово, учеником которого он был, не были «эллинофобами», как пытаются их изобразить. Само применение терминов «эллинофильство» и «эллинофобство» в применении к позиции тех или иных деятелей Русской Палестины требует дополнительного исследования. Речь идет, как правило, лишь о более или менее критическом отношении к узко эгоистическим, этнократическим устремлениям греческого духовенства Восточных Патриархатов и, прежде всего, Святогробского братства в Иерусалиме. Можно ли судить об отношении к представителям одного народа только по тому, как относились деятели ИППО к другому, темному и поработанному народу – арабской православной пастве Иерусалимского Патриархата?

Разумеется, православные арабы и их дети, прошедшие обучение в русских школах, по-другому относились и к России, и к Палестинскому Обществу. Без всякой иронии это их отношение выразительно представил в своей книге английский современник М.П. Соловьева: «Впечатление, какое производила школьная работа ИППО в Сирии и Палестине, может быть проиллюстрировано ответом одного из учеников школ ИППО. Когда ребенка спросили: «Где находится гора Елеон и что на ней стоит?» – ученик ответил: «Она лежит к востоку от Иерусалима и на ней стоит Русская Свеча»¹⁴. И вывод был для английского автора вполне логичен: «В интеллигентном, мыслящем арабе, правильно образованном и находящемся под верным влиянием, Россия может найти мощного союзника и пропагандиста»¹⁵.

И вопрос не только и не столько в том, где искать России себе союзников. Вопрос – в верности вселенскому сознанию, в понимании русского православного присутствия в мире как служения Церкви Христовой.

Именно об этом – главный пафос писаний «страстного и многомятежного» Михаила Соловьева.

«В нашу историческую эпоху крепкое национальное сознание не служит помехой широкому культурному общению между народностями, и это не может не отражаться и на церковной жизни. Индивидуализация самостоятельных Церквей нимало не препятствует им сознавать свое вселенское единство и укрепить его более деятельным духовным общением. Велики силы Запада, но не в первый раз Восток склоняет пред ними голову, а между тем остается самим собой, не поступаясь своими вековыми духовными особенностями, строя порабощение Западу при первом удобном случае.

На страже духовного единства Востока стоит Россия. Панславизмом далеко не исчерпывается ее задача, и панславизм в Палестине невообразимая нелепость. Точно также и панэллинизм – праздная мечта археологического свойства. Церковь выросла из рамок греческой национальности и восприняла более одухотворенный тип целокупности, приближаясь к тому, в котором *всяческая и во всех Христос*. Противдействие греческим притязаниям, образование туземных Церквей в крепком, но свободном взаимном общении, составляют историческую задачу текущей церковной жизни. Единственно при осуществлении ее привлекутся к воссоединению со Вселенскою Церковью шесть миллионов туземных инославных христиан Азии и Африки. И если только Русской Церкви, русскому народу – богоносцу, по выражению Достоевского, и русскому государству доступна деятельная и решающая роль в этом святом и великом деле, то единственным местом, где сходятся все узлы мировой задачи этой, может быть только Иерусалим».

1 Καρολίδης Π. Περί της ενεστῶσης θέσεως των πραγμάτων εν τη Ορθοδόξῳ Εκκλησίᾳ καὶ τῷ πατριαρχικῷ θρόνῳ τῆς Ἁγίας Πόλεως Ἱερουσαλήμ // Ἑλληνισμός. Νοέμβριος 1899, σσ. 481–496; Δεκέμβριος 1899, σσ. 529–542. Цит. по русскому переводу: *Каролид П.* О современном положении Православной Церкви и Патриархии святого града Иерусалима. СПб., 1902. С. 39.

2 Αναστασόπουλος Δ. Πανσλαβισταί, ‘οι μεγάλοι ἔχθροί του Γένους. Αθήνα. 1906 (Панслависты, великие враги греческой нации). С. 149–154. Цит. по: Stavrou Th. G. Russian Interests in Palestine. 1882–1914. A Study of Religious and Educational Enterprise. Thessaloniki, 1963. P. 192.

3 Stavrou Th. G. Russian Interests in Palestine. P. 191–192, 207.

4 *Никодим (Ротов), митр.* История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997. С. 238. Ср. *Киприан (Керн), архим.* Отец Антонин (Капустин), архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Белград, 1934. Цит. по 2-му изд.: М., 2005. С. 181–182.

5 Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т 3. Из эпистолярного наследия. М.-СПб., 2012. С. 296.

6 Соловьев М.П. Отзыв русского паломника о Бейрутских женских школах Общества // СИППО. 1892. Т. 3, февраль. С. 39–40; Святая Земля и Россия. (Речь при торжественном открытии Калужского отдела ИППО 10 апреля 1894 г.) // СИППО. 1894. Т 5, июнь. С. 257–287; Барград // СИППО. 1900. Т. 11, январь-февраль. С. 18–37 и др.

7 См., напр.: Соловьев М.П. Панорама Палестины в Петербурге [Выставка фотографий ИППО] // Московские ведомости. 1892, 3 марта. № 62; Апология святогробцев // Московские Ведомости. 1892, 13 марта, № 72–73; Императорское Православное Палестинское Общество в 1895 г. // Московские Ведомости. 1896. № 75, 105.

8 Соловьев М.П. Святая Земля и ИППО. М., 1891; изд. 2. СПб., 1895; Он же. Святая Земля и Россия. СПб., 1894; Он же. По Святой Земле. С рисунками в тексте. СПб., 1897. 342 с.

9 Из письма члена Совета ИППО Н.М. Аничкова к помощнику Председателя Общества М.П.Степанову. С.-Петербург, 28 января 1899 г. // Цит. по: Дмитриевский А. А. Н.М. Аничков. (Некролог). СПб., 1916. С. 18.

10 Доклад секретаря ИППО В. Н. Хитрово на общем собрании Общества 8 апреля 1901 г. // В. Н. Хитрово. Собрание сочинений и писем. Т 3. Из эпистолярного наследия. М.-СПб., 2012. С. 296–297. И противоположная оценка: «Со вздохом облегчения его смерть была воспринята в греческих кругах» (Stavrou Th.G. Russian Interests in Palestine. P. 175).

11 Stavrou Th. G. Russian Interests in Palestine. P. 146–147.

12 Id, с. 147, 158.

13 Μελέτιος (Μεταξάκης). Ὅρος καί η Ρωσική πολιτική εν Ανατολή. Αθήνα, 1913. Текст цитируется по рукописному французскому переводу книги, сохранившемуся в Архиве внешней политики Российской Империи.

14 Goodrich-Freer A. Inner Jerusalem. London, 1904. P. 75. (Ставру Ф. Г. С. 190).

15 Ibid. Pp. 84–85.

Глава I

Два течения ясно обозначаются в современной жизни русского общества. Одно отражает в себе западное масонство новейшего времени со всеми его оттенками, от умеренных конституционалистов, признающих народ источником государственной власти, игнорирующих церковь в государстве, до анархистов; другое движется историческими национальными началами православия, самодержавия и народности. Масонство и народность стоят в резком противоположении. Столкновение их, временный перевес одного над другим составляют причину колебаний в историческом развитии новой России. Могучий подъем национальных чувств в критические моменты, охватывающий глубочайшие слои народной массы, мог бы служить указателем, что не в масонстве лежит источник русской силы. Масонство в такие моменты примазывается к результатам национального движения и неминуемо искажает их. Продолжительная борьба этих двух направлений до сих пор, однако, не привела к решительному торжеству одного из них. Доселе продолжается принципиальный спор. До днесь не получили законного и обязательного преобладания в широкой государственной жизни те начала, которые открываются в верхних течениях нашей национальной истории. Многие не затронуты еще общественным сознанием и не оценены по достоинству.

К числу таких принадлежит отношение русского народа ко Святой Земле.

Паломничество процветало среди всех новокрещенных народов Европы в начале Средних Веков. Христианский Восток подавал тому пример.

Жития святых Восточной церкви указывают на частые путешествия в Святую Землю из Греции, Малой Азии и Египта. Иерусалим и тогда был живым центром общения всех христианских наций. Хождения во Святую Землю рано начались и в России. Пр. Феодосий Печерский в отрочестве увлекся караваном странников, проходивших в 1022 году чрез Курск в Иерусалим, и пытался уйти с ними из родительского дома. Калики переходящие по былинам восходят до времен Владимира Красна Солнышка. Его правнучка пр. Евфросиния, княжна Полоцкая, умирает во Святом Граде. Раньше ее, в начале XII века, Даниил игумен посещает святые места, встречает у Святого Гроба целую дружину русских поклонников «Новгородци, Киане, Кашкачи и инии мнозе» и оставляет важный и первый письменный отчет о Святой Земле. В 1200 году Новгородский епископ Антоний, описывая святыни Царьграда, упоминает о мощах русского пресвитера Леонтия и замечает: «той бо Леонтий трижды в Иерусалим пеш ходил». Сарацинское завоевание останавливает прилив паломников с Запада, а татарское иго задерживает хождение русских людей. Но в то время как с падением Латинского королевства западные народы навсегда вычеркивают паломничество из народной жизни, предоставляя этот подвиг или духовенству, или немногим из высших классов, у нас, после освобождения от татарской зависимости, стремление к святым местам просыпается в народе снова и с тех пор не прекращается, но возрастает с каждым веком, по мере усиления государственного значения России. Преодолевая невероятные препятствия в странах чуждых по языку, занятых злыми и фанатическими врагами христиан, наш серый люд с котомкой и посохом идет, пробираясь через Балканский полуостров, терпя всякие обиды и насилия, нередко застигаемый смертью от насилий и истощения, к заветным горам Иудеи. Иные избирали еще более трудный путь чрез Кавказ, Армению и Сирию. Хождение тянулось годами. Оно было действительно подвигом христианским и героическим. Благополучно возвратившийся был дорогим и почетным гостем в русском доме. Назидательный рассказ о чудной земле, каждая пядь которой освящена Богочеловеком и прославлена чудесами и подвигами мучеников и пустынножителей, зажигал сердца слушателей. Святая Русь напоялась дивными повествованиями. Сильные духом и верой брали страннический посох и шли плакать у Гроба Господня, возмущаться наглостью мусульман и давать знать угне-

тенному палестинскому христианству о далеком северном царстве, которое высоко держит крестное знамя и побеждает мусульманских государей. Эти простые люди сеяли в продолжение веков крепкие народные связи между русскими и восточными христианами в самом центре христианства. В то время как Великий Иоанн III браком с царевной Софией Палеолог, как единственный монарх, вступивший в родство с последнею греческою династией, принимал на себя наследство византийское, а его преемники шли далее, объявляя всему христианству, что Москва – третий Рим, то есть светская столица православного человечества, четвертому же не быть, народ давал такому теоретическому основоположению восточного вопроса духовную, внутреннюю основу, устанавливая живо общение религиозное и политическое с восточными христианами, духовенство потянулось за подавляющими для бедствующих восточных церквей; в сердцах простого люда, героически выдерживающего многовековые гонения мусульман затеплилась надежда на русских освободителей. Единственный на свете Православный Царь, радеющий о церкви, становился вместе с тем единственным законным Царем. Объединение восточных стран под властью турецкого султана в XVI веке, укрепляя древнее предание о единоначалии христианских царей на всем Востоке, должно было еще сильнее выставлять иноверных властителей турок как Божие наказание за грехи, как властителей незаконных, рано или поздно долженствующих уступить неправо захваченную власть настоящему наследнику христианских царей, а таким мог быть только далекий и могущественный Белый Царь. На него в тайне возлагают все свои надежды не только одни православные, но и отложившиеся от вселенского единства сирийцы, копты и абиссинцы: отпадая от церкви, они не столько побуждались к тому догматическими заблуждениями, сколько, а наверное даже более, желанием освободиться от греческих притеснений. Ни Сирия, ни Египет не достались бы так легко арабам, если бы не пришла к ним на помощь измена коренного сирийского и египетского населения, обольщенного лживыми обещаниями всяких льгот со стороны арабских завоевателей. Царство раздельшееся на ся не могло устоять. Разочарование не умедлило. Новое зло оказалось горшим. Но в годину испытаний не к грекам, а на Север устремились взоры восточных христиан. Как ни разногласят они между собою, в них живет доселе смутное сознание, что все они все-таки составляют нечто цельное и совершенно особое, столько же от мусульман, сколько от франков, христиан западных, в число которых не входят русские. Никогда ни копт, ни сириец, ни эфиоп не смешает москоча с прочими франками. Если одряхлевшие ереси должны рухнуть и воспоследует наконец единение церковное, то на Востоке это может совершиться только через Россию. Но здесь вопрос церковный становится близким предвестником колоссального политического переворота на всем Востоке. Неразрывная, извечная связь церкви и государства в православном мире роковым образом и неизбежно соединяет вопрос о православии с вопросом восточным, то есть об изгнании халифа в Мекку или Медину.

Итак, в то время как Великая Императрица жгла турецкие флоты, в то время как Александр I освобождал немцев от Наполеона и лояльно осуждал греков, восставших против султана, и в последующее столь же диковинное время странники в простоте души сотнями шли на поклонение во Святую Землю, сердобольно соболезуя и утешая неблагонадежных подданных «законного» мусульманского властителя. По-прежнему шли из России щедрые жертвы, а высшие власти, – называя всех местных христиан «греками», не подозревая глубокой розни между туземцами православными и пришлым греческим духовенством, – в силу трактатов, по мере дипломатической возможности, поддерживали греческую иерархию. Положение православия представлялось в смутном виде. Паломники ближе знакомые с делом не были слышны в руководящих сферах. При Чарторижском русский дипломатический корпус разучился писать по-русски даже официальные бумаги. При Нессельроде инородцы получили полное преобладание над русскими и православными. В середине сороковых годов знаменитый архиепископ Порфирий (в последствии епископ Чигиринский) с

горечью указывал, что из шести дипломатических чиновников в Египте, Сирии и Палестине не было ни одного русского и православного, были немцы, евреи, католики, протестанты, весьма сочувствовавшие всем, кроме православных. Их донесениями пользовался протестант граф Нессельроде, и можно представить себе какое традиционное отношение к делам восточного христианства, к очагу и фокусу восточных политико-религиозных отношений – к Палестине и Иерусалиму – установлялось среди наших дипломатических деятелей. Если внизу, в народе, в течение веков Святая Земля духовно сроднялась со Святою Русью и, с другой стороны, из наивных рассказов паломников злые языки извлекали не одну неказистую подробность о палестинском греческом духовенстве, игнорируя при этом туземных не греческих христиан, то высшие слои общества официально имели только те представления о деле, которые доходили до них сквозь двойную призму чуждых православию дипломатических чиновников и греческого клира.

Отношение христианских держав изменилось с 1851 года, когда прусский король обратился к великим державам с предложением выделить из Турецкого государства Иерусалим, предоставив ему некоторую автономию при участии в управлении всех христианских народов. Для протестантов он желал учредить англо-прусского епископа. Одна Англия поняла выгодность предложения и воспользовалась случаем утвердить английское влияние в Палестине. Одновременно с английским епископом, торжественно вступившим в Иерусалим в 1847 году, там же появляется генеральный консул Финн, ревностно преданный делу, отлично знакомый с местными языками и замечательный гебраист. Русское правительство представило возражения против прусского проекта и свой контрпроект, столь же несостоятельный как и прусский и, конечно, столь же холодно принятый великими державами.

Но прибытие англиканского епископа навело на мысль послать на место русскую духовную особу с несколькими монахами для удовлетворения духовных потребностей русских поклонников и отчасти для ближайшего ознакомления с иерусалимскими делами; дипломатические донесения очевидно перестали давать полное удовлетворение. Выбор пал на архимандрита Порфирия (Успенского).

Ученый архимандрит был поставлен в самое фальшивое положение. Он был отправлен в Иерусалим совершенно неофициально, в качестве паломника. Средства Миссии были нищенские. Непосредственных сношений со Святейшим Синодом он не имел, а если и обращался к нему, то годы проходили прежде чем он получал ответ. Осужденный на безвластие, бесправие и бездействие архимандрит Порфирий занялся научными работами, первыми серьезными трудами по изучению дневнехристианского Востока на русском языке. Но, тем не менее, он зорко приглядывался к церковным делам, хотя и не сообщал о них официальными бумагами. Не изданный доселе рукописный дневник его, хранящийся в Академии наук, составляет превосходную картину тогдашних дел, заносившуюся на страницы дневника день за днем, высокопоучительную и теперь, сорок лет спустя. Если б архимандрит Порфирий не был связан по рукам и ногам, если бы мы шли так же открыто и смело, как англичане и латиняне, не стесняясь дипломатическим малодушием, католическая и протестантская пропаганда, отторгнувшая тысячи туземных христиан от православной церкви, начиная с 1848 года, имея против себя такую силу как архимандрит Порфирий, теперь не имели бы права хвалиться своими успехами. Но архимандрит Порфирий был тем камнем, которым пренебрегли зияющие. Никакого влияния он не мог иметь уже и потому, что в Иерусалиме без денег оно немислимо, а содержание Миссии было нищенское, в то время как сотни тысяч шли из России непосредственно в бесконтрольное распоряжение Патриарха и Святогробской братии. Миссия стояла в подчинении Патриарху. В Иерусалиме не было даже русского консула: ближайшим дипломатическим представителем России, советы которого были обязательны для начальника Миссии, был генеральный консул в Бейруте, в

двухнедельном расстоянии от Иерусалима. Патриарх же сносился через своего константинопольского уполномоченного прямо с российским императорским послом.

Патриарх Кирилл, поэтому, мог не обращать никакого внимания на присланного соглядатая и, ценя ученость архимандрита, занимал его иногда научными поручениями. Нечего было и думать об ограждении русских паломников от греческих вымогательств, об упорядочении их быта в Иерусалиме; еще менее возможно было повлиять на отношения греческого духовенства к местной пастве, преданной постыдно на жертву патеров и протестантов. Ничтожность, на которую была осуждена Миссия, была так очевидна, что, когда вспыхнула Восточная война, наша дипломатия забыла о Миссии: архимандрит Порфирий узнал о войне от австрийского консула и жил некоторое время со своими монахами на счет Патриархии, пока тот же консул не нашел возможности вывезти нашу Миссию из турецких владений.

Велик Бог Земли Русской! Как мы ни старались уронить обаяние России, посылая в таком виде представителей Русской Церкви на жгучую почву Иерусалима, оно не исчезло. Невзирая на победу султана и его союзников, обаяние России не пошатнулось. Паломничество, остановленное войной, возобновилось сильнее, чем прежде: в 1857 году в Иерусалиме русских странников было 700 человек, в 1859 – 950. Вновь поднялись заботы о русских поклонниках. Архимандрит Порфирий, возвратившись в отечество, конечно, представил иерусалимские отношения в их истинном свете, а не через очки, втираемые правительству фанариотами, святогробцами и нашими консулами, не русского происхождения и не православной веры. Святейший Синод по-прежнему хранил сдержанное положение. Высшим духовным сановникам было очевидно, что греческое духовенство Палестины находится в глубоком упадке, преследует или своекорыстные, или эллинистические, светские цели и небрежет об участии православия и Церкви, угрожаемых со всех сторон извечными врагами. Но, чтоб исправить, недостаточно было пастырского увещания, которое притом было и канонически невозможно: отступления от православия не было, а во внутренние дела Церкви вмешиваться нельзя. Обуздание беспорядочности должно было начаться косвенно воздействием светской власти, имевшей в своем распоряжении такой могучий рычаг, как доход с имений, приклоненных Святому Гробу. Между тем светская власть не имела даже консульства в Иерусалиме. Разоблачения архимандрита Порфирия, конечно, разъяснили и ошибочность наших дипломатических действий во Святой Земле. Нужна была очевидно иная система, но для нее требовался новый, свежий орган. Таким органом совершенно неожиданно явилось Русское Общество Пароходства и Торговли, учрежденное в 1857 году. Одною из задач его была перевозка паломников. Для ознакомления с их бытом был командирован от Морского Министерства Б. П. Мансуров. Замечательные донесения его обратили на себя высокое внимание Государыни Императрицы Марии Александровны, которая всегда относилась ко Святой Земле с величайшим сочувствием. С таким же теплым участием принял донесения г. Мансурова и великий князь Константин Николаевич. Картина безропотного терпения и беспризорного положения наших самоотверженных паломников по-видимому впервые была раскрыта, и народное вековое тяготение ко Святым Местам, минуя чиновничество, непосредственно обрело симпатию Царствующего Дома. Чтоб уничтожить зависимость паломников от Патриархии, нужно было иметь свои учреждения, свои приюты, где бы странники могли найти защиту, убежище и быть как дома. Для сего из государственного казначейства было отпущено 500 тысяч рублей и открыт сбор пожертвований, давший в 1857-1864 годах 536 129 руб. Для принятия пожертвований и распоряжения был учрежден Палестинский комитет под председательством великого князя Константина Николаевича, не подчиненный ни одному из высших государственных учреждений. Августейший председатель в 1859 году посетил Святую Землю. Он был первым русским великим князем, вступившим на священную почву, и первым христианином, после крестоносцев, пред которым раскрылись ворота Соломонова Храма на горе Мориа и мечети, осеня-

ющей скалистое гумно Орна иевусея, подножие прежнего святилища ветхозаветного храма. В это посещение приобретен был обширный участок земли под проектированные русские постройки. Пока они сооружались, по настоянию комитета, Иерусалим получил русского консула, которому исключительно и было поручено заботиться о быте паломников. В то же время возобновилась и Духовная Миссия. Отношения между Миссией и консулом вскоре, вследствие невозможности разграничить духовное и материальное попечение о богомольцах, приняли враждебный характер, что было очень на руку грекам, встретившим русские начинания с понятным неудовольствием. Русское консульство в Иерусалиме было неприятным учреждением для дипломатов того времени, в школе Нессельроде пропитавшихся космополитическими, западными тенденциями, не способными понять национальную важность палестинских дел и сочувствовать глубоко религиозному, мистическому духу народа. Иерусалим представлялся гнездом запутанных интриг, сложнейших отношений, требовавших неусыпного внимания и напряженной деятельности, тогда как вечным лозунгом классической дипломатии признавалось отнюдь не поднимать вопросов: *pas trop de zele? Surtout pas d'affaires!* Знойный, скучный, лишенный всяких жизненных удобств Иерусалим был для чиновника чем-то вроде Лиссабона, Лимы, Христиании, только хуже, этапом к повышению и ничем более. Незадолго пред этим британский консул Финн арестовал англиканского епископа, и пример был слишком соблазнительным для отношений консула к архимандриту. Мы не должны, впрочем, строго относиться к этому печальному явлению. Живое отношение к государственной жизни еще вообще слишком отодвинуто бюрократическою исполнительностью, внутреннее содержание не приведено в гармонию с обязательными внешними формами. Повиновение «за страх» преобладает над повиновением «за совесть». В особенности трудно перевоспитать дипломатический корпус в национальном духе. Личный персонал его с юных лет почти навсегда отрывается от живого общения с отечеством и осуждается на постепенное, незаметное отождествление с западными иноземными народами более крепкого и устойчивого типа, не получив дома, на родине, твердой национальной шлифовки. Затем Патриархия не благоволила к Миссии, Патриарх же состоит в сношениях с начальством и может вредить, следовательно, лучше придерживаться Патриарха. И вот начинается ряд непрерывных столкновений консула и комитета с начальниками Миссии архимандритом Леонидом и епископом Мелитопольским Кириллом. В этой борьбе консулы всегда действуют в полном согласии с Патриархом. Им хочется превратить Миссию в причт консульской церкви, подчиненной Патриарху. Не имея никакой опоры в русских дипломатических представителях, Миссия, благодаря неверным и пристрастным донесениям консулов, представляется в совершенно искаженном виде в Петербурге, где также возгорается борьба между комитетом и защитниками Миссии. Отозвание архимандрита Леонида, крутая расправа с епископом Кириллом, однако, не сломили самостоятельности Миссии. На их месте в 1865 году появляется архимандрит Антонин, на счастье для дела, доселе остающийся во главе Миссии. Борьба тем временем продолжалась, и в 1880 году только заступничество в Бозе почивающей Государыни Императрицы спасло Миссию от упразднения и с нею историческое русское дело в Палестине.

Постройки были возведены, но в 1863 году великий князь Константин Николаевич, отъезжая в Варшаву, сложил с себя председательство в комитете. Будучи учреждением временным и случайным, комитет не мог уже по свойству дела, которое только началось с возведением приюта, хотя бы ради тех же паломников, не войти в лабиринт палестинских отношений и прекратить свое бытие, а потому должен был примкнуть к одному из министерств и вошел в состав Министерства иностранных дел. Антагонизм консула с Миссией, ревностно раздуваемый греками, составляет выдающуюся сторону его деятельности. В каком положении было попечение о поклонниках, видно из того, что заразные болезни до того развились в строениях русского приюта, что однажды турецкие власти задумали было оградиться от

приюта карантинными мерами. Нечего и говорить о церковных делах: Иерусалимская Церковь переживала период анархии. Потеря румынских доходов расстроила церковное хозяйство и усилила эксплуатацию русских поклонников.

Попытка Патриарха Кирилла ограничить корыстолюбие Святогробской братии кончилась доносом и сменой Патриарха – первой в истории Иерусалимской Церкви. С тех пор, с 1872 года, сменили еще двух Патриархов. Совращение православных приняло угрожающие размеры. Сельские церкви разрушались, приходское духовенство, оставленное без средств для существования, покидало паству и храм: школы существовали только на бумаге. Высшее духовенство ссорилось из-за русских денег, монахи сманивали молодежь поклонниц в «геронтиссы», обдирали богомольцев, приобретали имения, строили гостиницы и лавки с верным доходом и, не краснея, заявляли, что лучше всего будет, если туземцы перейдут к латинянам и протестантам, а Святогробское братство с Патриархом останется в Иерусалиме при своих доходах, на правах армян, хранителем и служителем при Святых местах.

На страже православия в это время стоял один архимандрит Антонин. По необыкновенной стойкости, энергии, находчивости и дипломатической ловкости архимандрит Антонин стоит наравне со знаменитыми католическими деятелями в Палестине, Патриархом Валергой и патером Ратисбоном, и даже выше их, если вспомнить, что поддержки в консулах он совсем не имел и располагал только скудным бюджетом Миссии, да случайными пожертвованиями, приглашать публику к которым ему было формально воспрещено. Латиняне и протестанты, пользуясь щедрыми средствами конгрегаций, стали захватывать земли вокруг Иерусалима. Антонин являлся их удачным конкурентом повсюду. Он спас православие в Бейт Джале, купив несколько участков, на которых развел виноградник, выстроил училище, завел пансион. В Горней, против францисканского монастыря, он основал первую русскую женскую монастырскую общину; он предупредил графиню де ла Тур д'Овернь перекупив вершину Елеонской горы; ему удалось даже приобрести участок с дубом Мамврийским у фанатических магометан Хеврона – святыню, чтимую равно христианами, иудеями и мусульманами. За двадцать пять лет он едва ли получил из России 250 000 рублей, а стоимость земельных владений, приобретенных им и переданных в 1889 году Палестинскому Обществу, оценивается почти в миллион рублей.

Состояние Иерусалимской Православной Церкви и положение русских богомольцев, забытых среди междоусобий консулов с Миссией, возбудило наконец громкие жалобы. Они вновь поднялись от народной массы и достигли до трона. Палестинские дела не укладывались в формы, пригодные к обыденным, правильным и нормальным отправлениям, пребывали в хаотическом состоянии, требовали и требуют особой разработки посредством особых орудий и учреждений, и только пройдя через таковую могут выясниться настолько, чтобы компетенция их, то ведомство, куда они окончательно приурочатся и где рассортируются, могла быть установлена с надлежащею точностью. Палестинские отношения до сих пор представляют неустранимый из народной жизни государственный материал, требующий непосредственного воздействия творческой самодержавной власти и не поддающийся общему порядку делопроизводства в учреждениях, созданных для иных целей. Палестинское дело – новая государственная задача, вдвинутая народом в русскую политику. Оттого каждый фазис его неизменно показывает двух факторов: Императорскую Фамилию, один из членов которой становится во главе дела, и массу безвестных паломников из России, причем регулярные учреждения оказываются недостаточными и появляется временная организация, близкая к правительственным сферам, но стоящая особо от высших государственных установлений. Эти обстоятельства вызвали к жизни Императорское Православное Палестинское Общество, под председательством великого князя Сергея Александровича.

Глава II

Улучшение быта русских паломников в Святой Земле было единственной целью Палестинского Комитета. Консульство ведало политические отношения, Миссия должна была заботиться о духовных нуждах русских странников. Совместное участие трех ведомств в одном, по своей сущности, деле не только не было достигнуто, но породило пререкания и недоразумения, отразившиеся в упадке новозаведенных учреждений, а между тем ежегодный прилив русских поклонников возрастал, считаясь уже не сотнями, а тысячами; расстройство Иерусалимской Церкви, ослабление православия, успех инославной пропаганды принимали все большие и большие размеры. Русское общество тем временем проснулось от глубокого равнодушия к Святой Земле. Посещение палестинских святынь великими князьями Николаем Николаевичем Старшим (1872), Сергеем и Павлом Александровичами и Константином Константиновичем (1881), а также многими лицами высшего общества способствовало раскрытию неприглядной духовной жизни Палестины. Несостоятельность наших наличных учреждений в Святой Земле и их дореформенных канцелярских приемов выяснилась до очевидности и вызвала учреждение Палестинского Общества. Устав, Высочайше утвержденный в мае 1882 года, указывает Обществу три цели: 1) цель ученую: собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о святых местах Востока; 2) оказывать пособие православным паломникам этих мест; 3) учреждать школы, больницы, странноприимные дома, а также оказывать материальное пособие местным жителям, церквям, монастырям и духовенству. Хотя в начале Устава и говорится, что цели Общества исключительно ученые и благотворительные, но ясно, что попечение о местных жителях, учреждение школ, пособие церквям и духовенству не могут быть заключены исключительно в рамки благотворительности. То отделение Общества, которое приняло на себя осуществление третьей задачи Общества, совершенно правильно формулировало ее словом – «поддержание» православия в Святой Земле, хотя выражением «в Святой Земле» несколько стеснило поле действий, объемлющее, по статье первой, «святые места Востока» и, таким образом, распространяющее деятельность Общества на Малую Азию, Сирию, Египет, на все земли, населенные восточными христианами и прославленные в истории Православной Церкви. Общество состоит из председателя, утверждаемого в должности Высочайшею Властью, 50 почетных и 200 действительных членов и сотрудников в неопределенном числе. Во главе его стоит совет, в котором заседают: председатель, его помощник, председательствующие в отделениях, три действительные члена, секретарь и казначей. Все дела Общества разрешаются советом. Ему представляются заявления о желании вступить в Общество и через него поступают на решение общего собрания. Общее собрание членов собирается на Фоминой неделе для выслушания годичного отчета и зимой не менее одного раза в три месяца. Оно выслушивает отчеты и действия совета, и ему принадлежит право избрания в почетные и действительные члены лиц, предложенных в предшествовавшем общем собрании. В общем собрании читаются также ученые рефераты и сообщения командированных лиц. Председатель и его помощник избираются на общем собрании на 4 года из лиц предлагаемых советом: кандидаты к этим должностным лицам могут быть и не из членов Общества. Казначей избирается из членов Общества. Секретарь назначается советом. Секретари отделений назначаются председательствующими в отделениях. Расходы Общества покрываются членскими взносами, единовременными и ежегодными пожертвованиями, собираемыми через посредство церкви и непосредственно от добрых дателей, и выручкой от продажи изданий. Общество *по возможности выполняет* деятельность Палестинской комиссии, состоящей при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, и *старается* согласовать свои действия с советами и указаниями Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и русского

консульства в Палестине. Во главе 42 учредителей стал великий князь Сергей Александрович, первый председатель Общества. Государь Император и Государыня Императрица удостоили принять звание Почетных членов Общества. Попечение Общества о поклонниках является по уставу *восполнением* деятельности бывшего комитета; Палестинской комиссии не трудно было угадать, что дни последней были сочтены; действительно, она была закрыта в 1889 году, и все ее дела перешли в ведение Общества. Отношения к Святейшему Синоду по уставу не определены, равно как и отношения к Министерству иностранных дел, хотя Обществу необязательно рекомендуется согласовывать свои действия с указаниями Миссии и консула. Неопределенность эта, однако, имеет важные неудобства, устранимые только при высоком положении нынешнего председателя. Действуя в чужой земле, Общество не может обойтись без постоянного содействия консула и посольства, без полного согласия в целях с Министерством иностранных дел. Интересы православия составляют общую основу всей деятельности Общества, следовательно в этом отношении оно стоит в тесной связи со Святейшим Синодом. Как от Министерства, так и от Синода заседают представители в Совете, но присутствие их не спасло Общества от дипломатических недоразумений, возникших от разности взглядов местных консулов с Обществом. Неопределенность эта умножается еще тем, что возлагая на Общество попечение о местных церквях и духовенстве, ему не передали доходов с имений бессарабских и грузинских, «приклоненных Святому Гробу» и составляющих, как увидим, главный источник доходов Патриархии. Управление сими имениями находится в Министерстве государственных имуществ, и, конечно, оно гораздо компетентнее в этом деле и Министерства иностранных дел, и Палестинского Общества, но хозяйственное распоряжение доходами *на нужды Иерусалимской Церкви* с учреждением Палестинского Общества должно подлежать его наблюдению и должно быть снято с дипломатического ведомства, не компетентного в вопросах церковного домостроительства. Денежные дела, составляя самую слабую сторону иерусалимского клира, требуют такого напряженного внимания и такого близкого знакомства с местными церковными отношениями, а равно с материальными и духовными нуждами православного населения Палестины, которые, как доказано историей наших отношений к Святой Земле, совершенно не под силу местным дипломатическим агентам русского правительства. Именно «для восполнения» этого пробела в деятельности Министерства иностранных дел и возникло Палестинское Общество. Неудобно также имущественные дела Патриархии в России вводить в круг деятельности нашего духовного управления, во избежание недоразумений гражданского свойства между двумя Автокефальными Церквями. Последовательное развитие начал, положенных в уставе, должно неминуемо перенести обязанности по приклоненным имениям, возложенные на Министерство иностранных дел, в круг действий Палестинского Общества, которое в настоящее время имеет и кроме того непрерывные сношения финансового свойства с Патриархией. Нельзя не признать, впрочем, что полная *формальная* определенность в разграничении сфер деятельности Общества, Миссии и консула, была бы осуществима, но во всяком случае необходимо, чтобы дипломатические учреждения примкнули к тому согласию и единению в действиях, которое установилось между Обществом и ведомством Святейшего Синода. Сочувствие духовного сословия к Палестинскому Обществу выражается уже в том, что из 950 наличных членов Общества – 201 духовного звания: епископы, присвитеры, диаконы, иноки и монахини, а среди почетных членов более трети составляют духовные сановники. В Палестине же душой дела в настоящее время является, бесспорно, лучший знаток свято-гробских отношений – архимандрит Антонин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.